

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.351.32

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСНОВНЫХ ПАДЕЖЕЙ В КАРАКЮРИНСКОМ ГОВОРЕ ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА

Г. Н. Асадова

Дагестанский государственный педагогический университет

Статья посвящена лексико-грамматическим особенностям основных падежей в каракюринском говоре лезгинского языка. В этом говоре четыре основных падежа: номинативный, эргативный, родительный и дательный. Их лексико-грамматические особенности связаны с семантикой глагола.

The article is devoted to the lexico-grammatical features of basic cases in the Karakure speech of the Lezgin language. There are four basic cases in it; they are: nominative, ergative (active), genitive, dative cases. Their lexico-grammatical features are connected with the semantics of the verb.

Ключевые слова: номинативный, эргативный, родительный, дательный и местные падежи; флексия, склонение, денасализация.

Keywords: nominative; ergative (active); genitive; dative; local case; inflexion, declension, denasalization.

Известно, что одной из основных словоизменительных категорий имен существительных является категория падежа. В исследуемом говоре, как и в лезгинском литературном языке в целом, представлена сложная многопадежная система. Основных (или грамматических) падежей четыре: номинативный, эргативный, родительный и дательный. Местных падежей четырнадцать, они по семантике объединены в пять серий. Каждая серия включает три падежа: (1 серия «ущербная», состоящая из двух падежных форм – местного покоя 1 и местного удаления 1, в остальных сериях выделяются местные падежи покоя, удаления и посредства), но наблюдается сокращение количества падежей за счет того, что функции направительных падежей стали выполнять соответствующие местные падежи покоя. В связи с этим сокращением местные падежи представлены тремя сериями как в литературном языке, так и в говоре: 1) местные покоя – 5 падежных форм; 2) местные удаления – 5 падежных форм; 3) падежи посредства – 4 падежа.

К абстрактным относится, прежде всего, немаркированный абсолют, оформляющий имя субъекта в непереходном и имя объекта в переходном предложении. Остальные падежи образуются с помощью специальных суффиксов от косвенной основы.

Следует отметить, что отличительной особенностью местных падежей мискинджинского говора является своеобразное образование форм падежей удаления (исходных падежей). Флексия имен существительных всех пяти падежей удаления состоит из гласного + фрикативный звонкий согласный гъ, вместо литературного дифтонга ай, который произносится как долгий гласный аа, например: *рикIягъ* – *рикIяй* и т.д. [1]. Данное явление не наблюдается в описываемом говоре, однако это явление зафиксировано У.А. Мейлановой в усухчайском и миграхском говорах докузпаринского диалекта [2]. Подобное наблюдается и в говорах кубинского наречия [3–5].

Склонение имен существительных в целом однотипно в том смысле, что падежные флексии, за исключением эргативного падежа, у всех слов одни и те же. Имена существительные в местном падеже покоя 3 в говоре принимают показатель -г вместо литературного -в, сравним: *им.п. къизил* «золото» (мест. п. 3 *къизиларыг*) – лит. (*къизилрив*), *им. п. нуцI* «птица» – (мест. п. 3 *нуцIраг*) – (лит. *нуькIрев*) и т.д.

Что же касается эргативного падежа, то его образование представляет собой несколько более сложную картину. Он имеет целый ряд самостоятельных флексий, каждая из которых имеет в свою очередь несколько вариантов.

Таким образом, в каракуринском говоре, как и в литературном языке, форма эргативного падежа определяет тип склонения имени существительного по всей парадигме его изменений. В зависимости от того, какие флексии имеет эргативный падеж единственного числа, имена существительные делятся на пять классов, или склонения.

Первый тип склонения. К первому типу склонения в описываемом говоре относятся слова, эргативный падеж которых оформляется флексией, состоящей только из гласного звука -а, -и, -у, -уь, -э (граф. -е). Выбор гласного зависит от огласовки слова, если оно односложное, а также от семантики и морфемной структуры, если оно многосложное [6], например: уьр «озеро» – лит. вир, уьл «глаз» – лит. «вил», пир «могила святого» – лит. пИир, чиф «облако» – лит. циф и т.д. Также в единичных случаях вместо литературного -а выступает в говоре флексия -о, ср.: сох «зуб» – сухо (лит. свах – эрг. п. суха).

В каракуринском говоре функционирует аффикс -ы вместо -у литературного языка, такое явление наблюдается и в мискинджинском говоре: хыр «грудь» – хьры (лит. хуру), фьр «яма» – фьры (лит. фуру) и т.д.

В единичных лексемах говора формант эргатива -и противопоставляется литературному

-уь, что объясняется заменой гласных звуков основы: мигъ «мост» – микъи (лит. муьгъ – муьуь); мирхъ «ржавчина» – мирхъи (лит. муьрхъ – муьрхъуь) и т.д.

Второй тип склонения. К нему относятся слова, в которых в качестве флексий эргатива выступает -ди или один из ее вариантов: -жи, -цИи, -чи, -чИи, -ци. Показатель -ди является самой распространенной флексией эргативного падежа как в говоре, так и в литературном языке. Эргатив является исходной формой для образования остальных (так называемых косвенных) падежей, т.е. представляет собой косвенную основу. Косвенная основа и соответственно эргативный падеж образуются различными способами:

- все имена с гласным исходом: буба «отец» – эрг. п. бубади; туьнуь «тесто» – туьнуьди (лит. тини – тиниди); палка^н «лошадь» – палка^нди (лит. балкIа^н – балкIа^н ди); хьуьчуьган «подушка» – хьуьчуьганди (лит. хьуьцIуьган – хьуьцIуьганди) и т.д.;

- аффикс -ди может сочетаться также с односложными основами на согласный исход: гьм «дым» – гьмади (лит. гум – гумади) и т.д.

Некоторые слова, имеющие в эргативе литературного языка аффикс -ди, который в лезгинском языке ныне обладает наибольшей продуктивностью [7], в исследуемом говоре оформляется другими аффиксами, например, в каракуринском говоре употребляется аффикс эргатива -чи вместо -ци: хва «сын» – хчи (лит. эрг. п. хци), яд «вода» – чиз (лит. эрг. п. циз), вар «ворота» – варчи (лит. эрг. п. варци), коьр «кувшин» – коьрчи (лит. квар – кварци), чиф «туман» – чифеди (лит. цифеди) и т.д.

Показатель эрг. -джи (-жи) в говоре зафиксирован в единичных словах: цьр «медь» – цьржи вместо литературного -ци (лит. цур – цурци); кьон «камень» – кьонджи вместо лит. -ци (кьван – кьанджи).

Следует отметить, что форманты эргатива -цИи и -чИи, зафиксированные в литературном языке, не характерны для каракуринского говора.

Третий тип склонения. К третьему типу склонения как в литературном языке, так и в каракуринском говоре относятся слова, флексией эргативного падежа которых является один из вариантов форманта -ини, -уни, -уьни. Выбор флексии обусловлен фонетической структурой слова, ее принимают только односложные слова, обозначающие отдельные предметы. В исследуемом говоре функционируют морфемы -ани, -эни, -ины, -ыны. Отмеченные морфемы встречаются в следующих словах:

- **ани:** кьаб «посуда» – «кьапани» (лит. кьапуни), раб «иголка» – рапани – (лит. рапуни), кьаш «молот» – кьашани (лит. кьашуни), гьал – гьалани «нитка» (лит. гьалуни);

- **эни:** вэь – векьэни «ярмо» (лит. вькь – вькьини), сим – симэни «пороволока» (лит. симини), чИил «ремень» – чИилэни (лит. чИилини);

- **ины, -ыны:** гьерф «буква» – гьарфин», джинс «род» – джинсины (лит. жинс – жинсини), гаф «слово» – гафыны (лит. гафуни), аш «плов» – ашыны (лит. ашуни), та^нк «танк» та^нкыны (лит. танкуни), шарф «шарф» – шарфыны (лит. шарфуни) и т.д.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в каракуринском говоре используются семь флексий эргативного падежа: *-уни, -ини, -уьни, -эни, -ани, -ины, -ыны*, а в лезгинском литературном языке функционируют только три первые из них.

Четвертый тип склонения. К данному типу склонения относятся слова, эргативный падеж которых принимает флексию *-ади, -еди* литературного языка, а в говоре обнаружилась еще одна флексия *-оди* (выбор гласного диктуется гласным основы), которая присоединяется к односложным именам со значением несчитаемости (вещественным, названием растений и т.п.): *нокъ «песок» - нокьоди* (лит. *накъв - накъвади*).

Если имена существительные с гласными заднего ряда в основе оканчиваются на согласный звук, в говоре, как и в литературном языке, они принимают флексию *-ади*: *нафт «керосин» - нафтади», мырк «лед» - мыркади* (лит. *муркI - муркIади*).

Если в корне наличествует один из гласных переднего ряда (*е (-э), и, уь*), то в качестве тематического гласного выступает флексия *-еди*: *чиф «туман» - чифед»* (лит. *циф - цифеди*), *верг «крапива» - вергеди*, *чиг «роса» - чигеди*, *нек «молоко» - некеди* (лит. *некI - некIеди*), *оькh «свет» - оькhоди»* (лит. *экhв - экhведи*).

Пятый тип склонения. К пятому типу склонения относятся имена существительные, флексией эргативного падежа которых является *-ра, -ре*. Выбор форманта определяется семантико-фонетическими особенностями имени существительного - флексию *-ра, -ре* принимают односложные имена существительные с согласным исходом, являющиеся названиями диких и домашних животных, а также насекомых и птиц.

В говоре, как и в литературном языке, используются обе флексии, например: *къаз «гусь» - къазра, сикI «лиса» - сикIре, чIут «блоха» - чIутра, сев «медведь» - севре, верч «курица» - вержра* (лит. *вечре*).

Как видно из примеров, в литературном языке суффикс *-ра* выбирают односложные слова, которые имеют в основе один из заднерядных гласных.

В каракуринском говоре в формах множественного числа имен существительных показателем эргативного падежа является *-а*, что не характерно для литературного языка. В литературном языке данные формы имен постоянно образуются с помощью суффикса *-и*, а в ахтынском диалекте *-ы* [8]. Приведем следующие примеры:

Кар. говор	Ахт. диалект	Лит. яз	Перевод
<i>папара</i>	<i>папары</i>	<i>папары</i>	<i>женщины</i>
<i>этимра</i>	<i>этимры</i>	<i>итимри</i>	<i>мужчины</i>
<i>рышара</i>	<i>рышары</i>	<i>рушари</i>	<i>девочки</i>

Следует также отметить употребление суффикса *-а* в именах собственных (кроме имен с гласным исходом основы): *Селим - эрг. п. Селим-а, Арсен - эрг. п. Арсен-а* (*Динара - эрг. п. Динара-ди*) и т.д.

По мнению У.А. Мейлановой, пережиточное употребление эргативного падежа в инструментальной функции зафиксировано в устойчивых выражениях [9], а также в следующих предложениях, где функции эргатива ограничиваются выражением субъекта (подлежащего) при переходных глаголах: *Гьада тIуруни нез, тумуни уьл акъудзава* (посл.). «Он ложкой ест, а ручкой (ложки) колет глаза». *Гьам вацIу тхона*. «Его унесла река». *Хуьр вацIын чфеди кьывнай*. «Село было окутано речным туманом». *За сад лагъай чка кьына*. «Я первое место занял». *Бубади чубанвиле кIолахзава*. «Отец работает пастухом».

Родительный падеж. В качестве показателя родительного падежа, как в литературном языке, так и в говоре употребляется формант *н*. Данный суффикс присоединяется к косвенной основе. Например: *Мискидин къене авай Агъакши бубадин тваруникъ галай пир*. «Внутри мечети была могила святого, названная в честь деда Агакши». *Гьарда уьчуьн кIолин гьаятдал шемгъелаьр ийизва*. Каждый у себя во дворе зажигает факелы. *Гададиз рыш бегемиш хъала, гададин диде буба рышан кIолиз, рыш це лугъуз физва*. «Если юноше понравилась девушка, его родители идут в дом девушки просить ее руки». *Хчин агалкьынрал вири шад я*. «Все рады успехам сына» и т.д.

Основная функция родительного падежа как в литературном языке, так и в говоре – выражение атрибутивных отношений между двумя именами, и употребляется он в следующих значениях:

1) в значении принадлежности и относительности: *гумадин йал* «запах огня», *гададин кГол* «дом жениха», *кьонцин цал* «каменная стена», *рышан кукла* «кукла девочки» и т.д.;

2) при определении материала: *цырын коьр* «медный кувшин», *магьидин кГараб* «слоновая кость», *кьизилдин гьед* «золотая звезда» и т.д.;

3) для выражения категории времени: *чинин сьыз* «нынешний год», *алатай гатыз* «прошлым летом», *экуьн кГолах* «утренняя работа», *алыкъзавай йьис* «наступающий год» и т.д.

Во многих случаях, в особенности, когда показателем косвенной основы является *-ди*, может пропадать не только назализованность, но и сам гласный звук: *марфад(ин) стГал* «капля дождя», *фермад(ин) уьлуьк* «перед фермой» и т.д. Из этих примеров видно, что родительный и эргативный падежи совпадают. Данный процесс исследователи лезгинского языка объясняют законом деназализации конечного гласного [10, 11].

Дательный падеж. Образуется от эргатива при помощи аффикса *-з*. Приведем следующие примеры:

Им. п.	<i>вах</i> (сестра)	<i>лам</i> (осел)	<i>кичГ</i> (собака)
Эрг. п.	<i>ваха</i>	<i>ламра</i>	<i>кчГи</i>
Род. п.	<i>вахан</i>	<i>ламран</i>	<i>кчГин</i>
Дат. п.	<i>вахаз</i>	<i>ламраз</i>	<i>кчГиз</i>

Дательный падеж служит падежом:

1) субъекта при глаголах чувственного восприятия и обладания: *жи стхадиз машин акуна* «брат увидел машину», *жи рышазни пара кГан хьана са гада* «наша девочка очень сильно влюбилась в одного парня» и т.д.

2) объекта: *гьотГа папаз лагь ша жи кГолиз* «скажи той женщине, чтобы пришла к нам домой», *дустуни чиниз клигда, душманди кГочериз* «друг смотрит в лицо, враг – на ноги» (посл.) и т.д.

3) обстоятельства места: *зы стха шегьердиз хьфена* «мой брат уехал в город», *зын мугьмандиз атана* «я пришел в гости» и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Насрулаева Г.С.* Фонетико-морфологические и лексические особенности мискиндинского говора лезгинского языка: автореф. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. 117 с.

2. *Мейланова У.А.* Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964. 210 с.

3. *Гаджиев М.М.* Кубинский диалект лезгинского языка // Гаджиев М.М. Из лингвистического наследия. Махачкала, 1997. 56 с.

4. *Бабаев В.А.* О некоторых морфологических особенностях яргунского говора лезгинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии: материалы регион. науч. конф., посвящ. 65-летию кафедры даг. языков. ДГУ. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1997. С. 41-42.

5. *Асалиев Ж.А.* Фонетические особенности кимильского говора кубинского диалекта лезгинского языка // Актуальные проблемы языка и литературы. Вып. 9. Махачкала, 2002. С. 93-95.

6. *Гайдаров Р.И.* Словообразовательные типы и способы словообразования в лезгинском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т.15. Тбилиси, 1988. 26 с.

7. *Алексеев М.Е.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985. 36 с.

8. *Гайдаров Р.И.* Ахтынский диалект лезгинского языка. По данным сел. Ахты. Махачкала: Дагучпедгиз, 1961. 166 с.

9. *Мейланова У.А.* К вопросу о категории грамматического класса в лезгинском языке // Учен. зап. Ин-та ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Т. 10. Махачкала, 1962. 51 с.

10. *Гаджиев М.М.* Орфографический словарь лезгинского языка и свод правил правописания лезгинского языка. Махачкала, 1955. 90 с.

11. *Климов Г.А., Талибов Б.Б.* К вопросу о сравнительно-историческом изучении лезгинских языков // Учен. зап. Ин-та ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Т. 13. Махачкала, 1964. 33 с.

*Поступила в редакцию 20.09.2011 г.
Принята к печати 26.09.2012 г.*